

между себя завсегда такъ разговариваемъ. Да безъ матери развѣ кто слушать будетъ. Што кричи, што нѣтъ. Кто этому будетъ обижаться. А ты вона какъ: глаголь, грить. И еще молъ и такой и сякой. Я такихъ ругательствъ не знаю, какъ ты. И откуда ты ихъ выдраль. Ей-же Богу, никогда такихъ не слыхаль. Вѣришь, ай нѣтъ. Больно обидныя.

— А по моему—вставилъ профессоръ—они со всѣмъ не обидныя. Простыя слова.

— Да, это по твоему. А поди ка, что скажеть мировой. Ну-ка, я пожалуюсь? Ты бы не говорилъ ихъ отъ, кабы не обидныя. Такъ-то ся, господинъ.

— Опять же и напраслину взводишь на меня, говоришь—бабу я убилъ. И онъ опять возмущилъ.

— Напраслину ни въ жисть не перенесу. Ни въ жисть.

— А какъ же ты спросилъ съ меня три рубля, когда я садился. По твоему это не напраслина?

— Ну, это, господинъ другое. Это запросъ: хошь—ѣдешь, хошь—нѣтъ. Это не грѣхъ. Хочу—везу, хочу— не везу.

— Значить, драть по твоему не грѣхъ?

— Э, эхъ, какое дранье,—сказаль онъ лукаво. Ты вотъ только больныхъ то, злыхъ словъ не говори... А дери съ меня, какъ хочешь. Эхъ, да вотъ и пріѣхали.

— Ну, сколько же платить то тебѣ?

— Плати ужъ господинъ по совѣсти.

— А по твоей или по моей?

— Плати по своей. Наша, вишь, плохая.

И профессоръ съ извозчикомъ посмѣваясь разстались друзьями.

Николай Лавровъ.

А. М. Михайловъ.

АЛЕКСѢЙ МИХАИЛОВЪ.

Похоронныя дроги.

Памяти И. Ф. Анненскаго.

Въ городѣ большомъ, шумномъ,
Среди движенья, тревоги,
Вялымъ пятномъ безумнымъ
Плывутъ бѣлыя дроги.

Блескъ ненадежный, сусальный,
Штопанный блескъ катафалка.
Факельщикъ, бритый и сальный
Шагаетъ, прямой, какъ палка.

Плачеть кто-то все глуше,
Душой подойдя къ распутью.
Лошадей бѣлыя уши
Пугають суконной жутью.

Люди спѣшаютъ, не видятъ,
Какъ ихъ мечты убоги...
Завтра кого обидятъ
Бѣлыя дроги?